БИБЛИОТЕКА

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 34 1990

Кир БУЛЫЧЕВ

АПОЛОГИЯ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кир БУЛЫЧЕВ - Игорь Всеволодович Можейко родился в 1934 году. Востоковед, доктор исторических наук, автор многих книг по истории и культуре Юго-Восточной Азии, таких, как "Бирма: религия и политика", "Северный ветер ясная погода" ("Юго-Восточная Азия во второй мировой войне"), "1185 год" и др. Более известен как автор фантастических книг для детей и взрослых, которые он пишет под псевдонимом Кир Булычев. Не раз у нас в стране и за рубежом выходили его книги о девочке Алисе из XXI века, героине повестей "Девочка с Земли", "Сто лет тому вперед". "Миллион приключений" и др. Некоторые из них экранизированы. Среди книг, обращенных к взрослым читателям, можно назвать "Чудеса в Гусляре", "Поселок", "Похищение чародея".

- Кир Булычев
  - Исторические фантазии
  - СТОЛПОТВОРЕНИЕ
  - ЗВЕНЯЩИЙ КИРПИЧ
  - АПОЛОГИЯ
  - ДИСКУССИЯ О ЗВЕЗДАХ
  - Часть вторая. Разгадка
  - ВСТРЕЧА ПОД РОВНО
  - СТАРЕНЬКИЙ ИВАНОВ

Кир Булычев

Апология.

Исторические фантазии

ОТ АВТОРА:

ИСТОРИЯ В АПОКРИФАХ

Если я где-нибудь выступаю, а то и просто разговариваю со знакомыми, на свет часто появляется вопрос: "Вот вы историк, пишете монографии и статьи. А как отражаются ваши профессиональные занятия на опусах фантастических? Неужели нет никакой связи?" Долгое время я объяснял, что фантастичность истории и склонность к фантазированию среди историков - зто наше, отечественное заблуждение. Это только у нас принято считать, что историю можно придумывать, а при перемене власти перепридумывать. А вообще-то история - наука строгая.

Слушатели кивали, делали вид, что соглашаются, но внутренне не соглашались. И правильно делали. Хотя бы потому, что существует очевидный мостик между историей и фантастикой: это историческая проза. Если задуматься, поймешь, что она, относясь формально к кругу истории, в самом деле ближе всего к фантастике.

Чем оперирует фантаст? Он описывает реальных людей в гиперболизированной, а то и выдуманной обстановке. Цель его - создать художественную картину, столь правдоподобную, что его читатель будет отождествлять себя с героем повествования, и тогда мысль писателя (чаще всего - предупреждение) станет мыслью читателя. Место и время воображаемого действия в фантастическом произведении может быть далеко отодвинуто от Земли в пространстве и во времени. Однако основной фантастический вектор- в будущее.

Чем же занимается исторический романист? Его цель - изображение реальных людей в выдуманном антураже Только антураж этот - прошлое. И тут есть закономерность: чем более будет исторический фон проработан, отражен в романе, чем точнее соотносительно с источниками будут выражаться персонажи, чем большие усилия будут потрачены на создание адекватного документам и исторической правде образа ушедшего мира, тем меньше шансов у романа стать интересным,

популярным, знаменитым. Настоящий, достойный исторический роман отличается несоответствием исторической правде в деталях, но обязательной соотнесенностью героев с читателями. Только тогда, когда читатель может поставить себя на место персонажа, он превращается из расшифровщика мертвых реалий в участника действия.

Если обратиться к примерам, то мы обнаружим, что ни Алексей Толстой в "Петре Первом", ни Александр Дюма в "Трех мушкетерах", ни Фейхтвангер в "Лже-Нероне", ни их знаменитые коллеги воссозданием исторического мира не занимались. Они, подобно фантастам, говорили лишь о современных им проблемах и рисовали современных им людей. Есть правило: посредственность пытается убедить читателя в значимости своего романа, перечисляя детали туалета и лексические анахронизмы. Флобер же в "Саламбо" рассказывает о любви и смерти…

Из всего этого следует, что фантастический и исторический романы, как ни парадоксально,- братья.

В ряду фантастических и исторических произведений есть категория, в которой эти два вида творчества сливаются настолько, что становятся "историко-фантастическим романом". Это альтернативная история.

Родился этот жанр - скорее фантастики, чем исторической литературы -много столетий назад в основном в пропагандистских целях. История дополнялась якобы достоверными рассказами о том, чего в ней и не было. В христианской литературе это апокрифы - неканонические произведения. Никто не рассматривал тогда апокриф как труд художественный. Создатель полагал, что ему поверят. Апокрифами мировая литература весьма богата. Апокрифов немало и в исторической литературе, повествующей о нашей семидесятилетней истории.

Фантасты со временем сделали еще один шаг вперед, отказавшись от попыток дурачить читателя и объяснив честно, что предлагаемый ими вариант исторического повествования - выдумка. Вспомните, как блистательно написал такую историко-фантастическую повесть Марк Твен. "Янки при дворе короля Артура" - фантастический роман, маскирующийся под исторический, при условии, что ни читатель, ни писатель не верят, что так могло быть.

В фантастическом переосмыслении истории преуспели, разумеется, юмористы. И сатирики. Порой про современное им правительство нельзя было сказать того, что разрешалось рассказать о Нероне и Сенеке. Наиболее солидным этот труд получился у писателей журнала "Сатирикон" в начале нашего

века. Аркадий Аверченко, Татьяна Тэффи, Осип Дымов и Д'Ор создали "Сатириконовскую историю человечества", в которой переосмыслили в нужном им направлении и, разумеется, осмеяли не столько Геракла, Ивана Грозного или крестоносцев, сколько ударили по властям, ими управляющим, по мещанам, их окружавшим, и по авторам учебников истории, по которым учили студентов и гимназистов.

После революции у нас подобную фантастическую историю написал Михаил Зощенко. К сожалению, его "Голубой книге" не повезло - она уже до войны вызывала большие сомнения, потому что ясно было: Зощенко опять смеется, но почему-то не над маленькими людьми, а над императорами. Императоры, понятно, давно вымерли, но, может быть, лучше их не трогать?

На Западе есть немало романов и рассказов, в которых историческое действие строится по принципу: "А что если?". Например, "а что если бы Германия победила в войне и завоевала Англию?". Появляется интереснейший роман "СС-ВБ", что означает "СС - Великобритания", где рассказано о борьбе английского Сопротивления против фашистской оккупации. А что если бы Наполеон победил при Ватерлоо? Есть и такие романы. Ранее у нас подобные темы были под запретом, так как господствовала упрощенно понимаемая марксистская формула о закономерностях исторического прогресса, о том, что историю определяют массы. В самом же деле за этим термином стояло опасение, что автор, а затем и читатель додумаются до того, чтобы поставить под сомнение существующий порядок вещей. Если сегодня ты предположишь, что Александр Македонский открыл Америку, то завтра предположишь, что Сталин был в 1923 году переизбран с поста Генерального секретаря. Порядок есть порядок. В том числе и в истории.

Фантастика, связанная с историей, дает широкие возможности для осмысления не столько исторического процесса, сколько нашей действительности. И я полагаю, что с развитием отечественной фантастики этот гибрид истории и фантастики получит гражданство.

Разумеется, я пишу эти строки не для того, чтобы просто поговорить. Я подвожу читателя к выводу, что и сам я наконец-то решился обратиться к истории не только как историк, но и как фантаст.

И в один прекрасный день начал помаленьку ковать "Всеобщую историю", которой вроде бы и не было. В каждом историческом сюжете я искал современные темы, полагая, что не только индивидуально человек не изменился за последние десять тысяч лет, но и многие недостатки и беды общества также, по

сути дела, сохранились на протяжении тысячелетий. Более того, я решил, что имею полное право обращаться порой к истории иных планет Солнечной системы и нашей Галактики в тех случаях, когда в их истории находил некие аналогии с нашей жизнью.

Мой труд еще далек от завершения, но некоторые из главок его уже печатались, в том числе и в "Огоньке". Цель моя - объединить эти рассказы. Получится это или нет - не знаю. Главки из "Всеобщей истории в апокрифах" я предлагаю на суд читателей, которые не чураются фантастики и обладают чувством юмора.

Кир БУЛЫЧЕВ

СТОЛПОТВОРЕНИЕ

Судьбы мира решаются не тогда, не там и не теми, как принято считать. Александр Македонский объявлял о завоевании Вселенной, но сроки возвращения домой определяли неведомые солдаты. Полководцу же оставалось лишь бессильно материться.

Об этом должны помнить сильные мира сего.

Замечательный пример тому - Вавилонское столпотворение, то есть творение столпа в Вавилоне, а не разрушение его, как многие полагают.

Грандиозное престижное строительство было затеяно для того, чтобы весь мир убедился в преимуществе вавилонской веры над иными идеологическими системами.

Со всех сторон цивилизованного мира к Вавилону свезли специалистов и согнали заключенных. Для того, чтобы система функционировала нормально, туда же были доставлены три сотни переводчиков…

На шестьсот восьмой день работ, в конце пыльного лета, в глинобитной времянке сатрапа шестнадцатого участка Вавилонбашстроя, проходила оперативка, которая в те дни называлась иначе. Сам сатрап сидел на подушках перед низким мраморным столом и разносил подчиненных:

– Как известно,-говорил он,- мы заказывали у пенджабцев железные скрепы в поллоктя на локоть и одну девятую. Что же мы получили с последним караваном?

По его знаку чернокожий раб достал из-под стола скрепу размером 0,76 локтя на 0,87 локтя и показал собравшимся.

Примерив скрепу к своим разным локтям, специалисты высказали возмущение на двадцати трех языках. Переводчики изложили их возмущение на древневавилонском языке.

– Так как кто-то должен ответить головой за ошибку, я предлагаю, по сложившемуся у нас обычаю, объявить виноватым переводчика.

Строители быстро проголосовали, а переводчики послушно перевели результаты голосования на древневавилонский и потом попрощались со своим коллегой Арамом Сингхом, которого повели на казнь.

Вечером переводчики шестнадцатого участка собрались в харчевне на пыльном берегу Евфрата. Было жарко. Переводчики пили сладкое разбавленное вино, поминая Арама, хорошего человека.

– Так жить нельзя,- сказал Евтрепий, знавший крито-микенские языки и диалект острова Санторин.- Мы не

отказываемся работать, но мы не можем, нести ответственность за продажных, ленивых, распущенных сатрапов и прорабов, за надутую бюрократию и наглую мафию. Это кончится тем, что на свете не останется переводчиков.

– Мы не рабы, мы свободные! - крикнул переводчик со скифского.

– Я мог в гареме работать! - воскликнул эфиоп.- Но сознательно пошел на большое, нужное человечеству дело.

– Нужное ли? - спросил некто с финикийским акцентом.-А кушать гнилую рыбу и ходить босиком - это тоже нужное дело? Так я знаю, кому нужно такое дело!

– Надо бежать! - воскликнула переводчица с амазонского.- Кони оседланы.

– Маххама-сабеец бежал,- опередил амазонку финикиец.-Чем кончилось? Поймали в Аравийской пустыне, отвели на арматурный склад и всыпали двадцать плетей. Маххама, покажи шрамы!

– Не надо,- сказала амазонка.

– Я знаю, что делать,- произнес доселе молчавший Иван, представитель загадочного этрусского народа, недавно откочевавшего в устье Днепра,-Им кажется, что нас можно убивать, а мы им докажем, что без нас они бессильны.

Так в истории человечества родилась форма протеста: "забастовка".

На следующий день переводчики не вышли на работу. Иностранные специалисты опоздали на завтрак, многие так и не нашли туалета, высокую мидийскую делегацию никто не встретил, а облицовочную плитку из Ура ссыпали в бетономешалку.

Через два часа руководство стройки собралось на экстренную пятиминутку. Сатрапы запустили длинные ногти в завитые бороды и пришли к общему мнению: направить лучших палачей с кнутами в шалаши и по баракам переводчиков. Информировать таким образом переводчиков, что в случае дальнейшего неповиновения каждый десятый будет посажен на кол, а остальные продолжат трудовую деятельность в оковах.

Палачи разошлись по баракам. Стенания и вопли переводчиков огласили равнину. Переводчики сдались и покорились. Остальные рабы улюлюкали им вслед.

На этом очевидная и известная на всем Ближнем Востоке история первой в мире забастовки завершается. Дальнейшие события, одобренные тайным сходом переводчиков, собравшимся в ночь после капитуляции, известны нам лишь по их результатам. Месть бесправных, но грамотных интеллигентов основывалась на

доверии раннего бюрократа к слову, отпечатанному на глиняной табличке.

С такой табличкой пришел на следующее утро переводчик-гипербореец к своему сатрапу и, показав отпечаток пальца главного финикийского надзирателя, сообщил, что табличка - расписка финикийца о получении трех талантов серебра от враждебных ахейцев за караван верблюдов, груженных смолой. Если учесть, что финикийский надзиратель тем же утром получил из рук другого переводчика табличку с распоряжением срочно отправить караван верблюдов, груженных смолой, на запад и, если учесть к тому же, что ни один древний бюрократ той эпохи не знал грамоты, то массовые казни среди финикийского руководства объяснимы, как и объяснима последовавшая резкая нота Финикии Вавилону, после чего финикийские, а также дружественные им арамейские специалисты были отозваны со стройки века.

На совещании, посвященному этому событию, выступил перс, который, как поняли вавилоняне из речи переводчика, нелестно отозвался о матери царя Вавилона, за что был тут же растерзан участниками совещания. На следующий день все персы и пуштуны, азербайджанцы и аланы покинули строительство, осыпая проклятиями вавилонский народ.

Через неделю строительство превратилось в хаос. Столпотворение стало Непониманием. И в этой атмосфере деловитые, терпеливые, никогда не ропщущие переводчики с табличками в руках являли контрастное исключение. Они всегда готовы были помочь переводом, объяснением и даже комментарием. Например, переводчица-амазонка раздобыла где-то папирус с достоверными сведениями о том, что аравийцы завтра украдут гарем у заместителя главного сатрапа. Аравийцы же узнали от Маххамы-сабейца о намерении вавилонян оскопить всю их бригаду. Еще не зашла Луна, когда разгорелся бой между вавилонянами и аравийцами. Среди погибших была значительная часть руководящих лиц строительства. Остальных обезглавили через три дня, когда царь Вавилона сменил не оправдавшее его надежд руководство.

Новое руководство столкнулось с полным языковым и моральным непониманием. Никто ни с кем не хотел разговаривать. Новое руководство подало в отставку и было обезглавлено как капитулянтское.

Рабочие и специалисты разбежались по пустыне.

Строительство завершилось на полдороге.

Последними уезжали переводчики. На опустевшей площади перед громадной грудой кирпича они устроили веселый

дружеский банкет.

Переводчики прожили после этого много лет. Слухи об их участии в вавилонских событиях распространялись по белу свету. Внучонок спрашивал деда-переводчика:

– Ты же переводчик, дедуля. Как же ты не остановил это столпотворение?

– Боги их покарали,- отвечал дедушка.- Не ценили они кадры, вот боги и покарали.

– А тебя почему не покарали?

– А меня с коллегами они избрали орудиями своей кары.

ЗВЕНЯЩИЙ КИРПИЧ

В середине VI века до нашей эры положение Вавилонского царства, которым правил известный Валтасар, никуда не годилось.

Местные тираны и наместники грабили безропотное население, экономика разваливалась, искусства и науки пришли в упадок. Тем временем персидский царь Кир в союзе с коварными мидянами готовился преодолеть линию укреплений, построенную еще Навуходоносором, и нарушить тем самым хрупкое политическое и военное равновесие.

Многие в Вавилоне полагали, что виной тому политика Набонида, отца Валтасара, который не занимался текущими делами, любил роскошь и чинопочитание, а также участие в торжественных церемониях.

Как-то перед очередным пиром ближайшие соратники Валтасара собрались во дворце. Начальник складов сообщил, что зерно поступает вяло и низкого качества. Сатрап Лидии доложил, что в стране, разоренной его обезглавленным предшественником, ожидается плохой урожай. Мудрец Улулай сказал, что изобретение катапульты задерживается из-за недопоставок листовой меди. Везде обнаруживались недостатки и прорехи. Многие понимали: ожидаются казни и должностные перестановки.

Тут вперед вышел глава соглядатаев и сказал:

– Позволь слово молвить, великий повелитель! Валтасар мрачно кивнул. - Мои люди раздобыли у одного египетского караванщика образец новой вражеской технологии.

По его знаку слуга внес блюдо, на котором лежало нечто, покрытое шелковым платком. Глава соглядатаев сорвал платок, и на блюде обнаружился кирпич. Кто-то хихикнул. Его увели. Повелитель нахмурился.

– Не спеши с выводами,- сказал глава соглядатаев.- Это не просто кирпич, а новое слово в стратегии.

Он легонько ударил по кирпичу длинным ногтем мизинца, и кирпич отозвался длинным серебряным звоном.

– Не понял,- сказал Валтасар.

– Египетские мудрецы изобрели этот звенящий кирпич с далеко идущими целями. Отныне у них все подходы к городам, а может, даже к границе, будут выложены этими кирпичами, и вражеское войско даст знать о своем приближении задолго до приближения. Звон подков и каблуков по такой дороге разносится на дневной переход. Отныне Египет будет в безопасности от

неожиданного нападения.

– Чепуха,-сказал кто-то. Его увели.

Валтасар задумался. Потом приказал вызвать экспертов по кирпичам.

Эксперты долго спорили, разделившись на четыре партии. Некоторые полагали, что создать такой кирпич невозможно, потому что в Вавилоне нет для этого материалов. Другие считали, что кирпичи не настоящие, а выдумка египетской пропаганды. Они предлагали разбить образец, чтобы увидеть в серединке серебряный колокольчик. Третьи стояли за то, чтобы наладить импорт кирпичей в обмен на ливанский кедр. Наконец, четвертые, в лице начинающего мудреца Авельмардука, сразу дали обещание изобрести и изготовить такой же, но лучше качеством, в течение десяти лет.

Валтасар всех выслушал. Затем кирпич по его приказанию разбили. Колокольчика в нем не нашли и поэтому накормили кирпичными обломками скептиков. Оптимисты же в лице Авельмардука получили задание изобрести отечественный звенящий кирпич до конца текущего года.

Учреждению, созданному для изготовления кирпича, который обезопасит государство, отвели летний дворец Навуходоносора по соседству с храмом Мардука. Кирпич получил название "КЗ", весь район, прилегающий к опытному производству, обнесли привезенными из Аравии непреодолимыми колючками и ввели систему пропусков на глиняных табличках.

Так как предприятие запросило на первое время тысячу талантов серебром, были урезаны ассигнования на сельское хозяйство и писцовые школы. Через три месяца на производстве "КЗ" трудились уже восемьдесят тысяч рабов и более сорока тысяч вольнонаемных специалистов. Руководитель предприятия мудрец Авельмардук получил чин особо приближенного советника и право реквизировать в пользу проекта любое имущество. К зиме он реквизировал долину реки Диялы, в которой из опытных и неудачных партий кирпича "КЗ" были возведены дворцы для него и членов его семейства.

Так как положение населения продолжало ухудшаться, в государстве Валтасара участились казни. Но в то же время поползли слухи о том, что сотрудники Авельмардука зазря проедают народные деньги и не спешат изобретать "КЗ", тогда как все прочие отрасли науки в Вавилоне перебиваются с лепешек на воду.

Некоторые стали писать правителю доносы на глиняных табличках. Однако эта практика скоро кончилась, так как ввиду растущих потребностей предприятия "КЗ" в качественной глине,

все глиняные карьеры были засекречены, а писцам и работникам средств массовой вавилонской информации было предложено писать письма и книги палками на песке.

Так прошел первый год. По истечении его повелитель Валтасар призвал пред свои грозные очи советника Авельмардука и спросил его:

– Где твой кирпич? Враги приближаются к столице, но я этого не слышу.

– Они еще далеко,- ответил Авельмардук. Он заметно потолстел, окреп и загорел в очередном отпуске в долине реки Диялы.

– Где "КЗ"? - настаивал Валтасар.

– Я был бы рад доложить тебе, о повелитель, об окончании работ. Но, к сожалению, массовый саботаж моих коллег сорвал мои планы.

– Объясни,- сказал Валтасар.

– Я буду искренен с тобой, мой повелитель,-сказал Авельмардук.- Хотя рискую вызвать твой гнев. Для того, чтобы спасти наше государство и одним ударом разрубить узел проблем, требуется полная концентрация усилий в одном направлении. Что же мы видим в действительности? Одни продолжают разводить коней и овец, другие добывают земляное масло, третьи изобретают катапульты, четвертые замыслили совсем несусветное: боевую машину, которую движет пар! Более того, я знаю о предателях и саботажниках, которые втихомолку строят флот и тщатся надуть вонючим дымом большой шар, утверждая, что смогут подняться на нем в небо. Вот, дорогой повелитель, на что растранжириваются народные деньги! А мы с тобой из-за этого не можем обезопасить государство от врагов.

Валтасар пришел в страшный гнев. Сначала он приказал собрать к себе всех мудрецов, которые упорно продолжали заниматься пустым изобретательством, когда решалась судьба "КЗ" и всего государства. На этом собрании выступил с гневной речью советник Авельмардук и убедительно доказал собравшимся, что все эти мудрецы и халдеи являются персидскими агентами. После этого большинство мудрецов раскаялось в своих ошибках, а остальных пришлось отправить в Аравийскую пустыню на соляные копи.

Деньги и ресурсы, освободившиеся после этого "великого очищения науки", были переданы предприятию "КЗ", его опытные заводы задымили втрое активней, а советник Авельмардук построил четыре дворца для своих наложниц на берегу Евфрата.

К сожалению, экономическое положение Вавилона продолжало ухудшаться, но страна, включая Валтасара, жила

надеждой на скорейшее завершение программы "КЗ".

Тем временем коварный Кир преодолел Мидийскую стену Навуходоносора, занял город Сиппар и форсированным маршем двинулся к столице. От топота его армий дрожала земля, и звук этот доносился до дворца Валтасара.

За день до первого штурма Вавилона правитель собрал к себе сановников государства и спросил:

– Готовы ли стены Вавилона к отражению штурма?

– Нет, - ответил начальник стен,- все кирпичи, что ранее шли на эти цели, переданы предприятию "КЗ". Туда же ушла вся глина. Стены частично обвалились.

Валтасар, разумеется, приказал казнить начальника стен.

– Готовы ли мои непобедимые колесницы, чтобы смести с лица земли подлых персов? - спросил затем Валтасар.

– К сожалению, нет, так как железо с них передано заводам "КЗ", а деревянные части сожжены в печах "КЗ",- ответил, дрожа предсмертной дрожью, командующий колесницами.

Командующий колесницами был казнен. За ним лишились жизни не готовые к отражению противника начальники катапульт, хранители ворот, смотрители продовольственных складов, а также мудрецы и халдеи, которые не сумели оперативно изобрести паровую машину, воздушный шар, парусный флот и земляной огонь.

Но не все еще было потеряно. С минуты на минуту с предприятия "КЗ" обещали доставить опытную партию звенящих кирпичей.

В ожидании кирпичей Валтасар закатил пир для оставшихся в живых сановников. Напились так, что кто-то написал на стенах непонятные слова. Последующие историки утверждают, что звучали они так: "Мене, Мене, Текел, Упарсин" и предрекали гибель Вавилона и лично Валтасара.

Задним числом предрекать легко.

На следующее утро Валтасар, пребывавший в тяжком похмелье, вызвал к себе Авельмардука. Авельмардука долго искали и, наконец, перехватили у западных ворот, когда он пытался скрыться из города на боевом дромадере в сопровождении верной наложницы, двух мешков золота и опытного образца. Дезертира привели к повелителю.

– И ты, Авельмардук? - укоризненно спросил Валтасар.

– Меня неправильно поняли, - ответил советник. - Я эвакуировал из столицы опытные образцы, чтобы наладить их промышленное производство в труднодоступных горных районах.

И Авельмардук протянул повелителю первый кирпич.

Повелитель щелкнул по нему ногтем. Кирпич легонько звякнул.

– Через три года доведем до кондиции,- заверил его Авельмардук.

Валтасар поглядел на слова, написанные кем-то на стене, потом прислушался. У ворот дворца кипел бой, грохот стоял такой, что приходилось кричать.

– Звенит! - прокричал Валтасар. Он поднял кирпич и размозжил им голову Авельмардуку.

Через несколько минут и сам Валтасар погиб возле своего трона.

Это случилось в 538 году. До нашей эры.

АПОЛОГИЯ

От переводчика:

Как известно, после смерти императора Нерона, не столько при его непосредственном преемнике, как в период правления Божественного Веспасиана, в среде римских писателей и ораторов широко распространились критические выступления в адрес Нерона и его приспешников. Вскрывались все новые преступления тирана и, осмысливая историю Рима за последние десятилетия, многие утверждали, что деятельность Нерона пагубным образом сказалась на положении дел в империи.

Однако, как это бывает в истории, в Риме нашлись и апологеты Нерона, как среди его родственников, так и бывших соратников. Даже в среде плебса, недовольного гуманизацией общества, сокращением числа зрелищ и народных празднеств и требованиями всеобщей экономии, появились культы Нерона, в которых он фигурировал в качестве мученика, железной рукой уничтожавшего коррупцию, ведшего империю к победам и принимавшего близко к сердцу чаяния простого народа.

Любопытным примером сочинения, отражавшего попытки реабилитировать память Нерона, может служить небольшая "Апология", принадлежавшая перу Гнея Домиция, малоизвестного публициста середины II в. и. э., очевидно, отдаленного родственника императора. Объектом критики автор "Апологии" избрал известное сочинение Светония "Жизнеописание двенадцати цезарей", созданное в первой половине II в. и сконцентрировавшее в себе критику Нерона и нероновщины.

Опус Гнея Домиция не пользовался известностью в Риме, и упоминаний о нем у других авторов и даже ссылок на него не сохранилось. Данный список обнаружен при недавних раскопках древних выгребных ям в Остии. Текст отличается неполнотой и отсутствием начала и конца.

"…Даже странно сегодня выслушивать подобную клевету, ибо совершенно очевидно, что к власти его привели не интриги Агриппины младшей, а воля римского народа, и Нерон всегда высоко превозносил заслуги своего предшественника Клавдия и воздвигал ему статуи в различных городах империи.

Известна гуманность, которую проявлял Нерон. Даже Светоний вынужден был признать, что, когда Нерону пришлось впервые ставить свою подпись под смертным приговором, он промолвил вслух: "Как хотел бы я не уметь писать!" Тот факт, что Нерон не повторял этого восклицания при подписании

последующих приговоров, говорит лишь о его скромности и нежелании повторять уже всем известную фразу.

Забота Нерона о безопасности государства всегда сочеталась с заботой о его экономике. Недаром, как всем известно, он сократил на четверть жалованье доносчикам. Заявление некоторых критиков о том, что число доносчиков увеличилось вдесятеро и многие доносили бесплатно, никак не бросает тени на императора. Каждый искал врага и спешил сообщить о нем любимому императору. Это говорит лишь о безграничной любви народа к Нерону.

Светоний несправедлив, обвиняя великого императора в том, что он слишком широко тратил деньги на строительство помпезных сооружений и статуй в собственную честь. Императором двигали только интересы народа, который хотел гордиться строительными достижениями Римской империи, тем, что в ней строятся самые высокие дома в мире. Светоний упрекает Нерона в том, что он возвел себе позолоченный монумент высотой в сто двадцать локтей. Светоний! Не смешивай бескорыстную любовь народа к императору с его побуждениями. Если бы народ того не требовал, Нерон не разрешил бы ставить себе статуй.

Как глуп и наивен Светоний и подобные ему, когда стараются бросить тень на доброе имя императора в связи со строительством известного канала. Желание императора сделать Рим морским портом имело под собой здравые экономические соображения. "Для выполнения этих работ,- пишет Светоний,-он приказал свозить всех, где сколько было, колодников, а также ловить людей и приговаривать их исключительно к этой работе". Однако каждому известно, что строительство канала стало великой школой перевоспитания преступников, о чем с радостью свидетельствовали писатели, которых Нерон на свои средства возил на великое строительство. Когда же на канале и на других великих стройках попадались отдельные невинно осужденные, то нарушения римской законности, если становились известными императору, немедленно пресекались.

Настало время перейти к спору об измышлениях Светония, касающихся якобы имевших место убийств некоторых государственных мужей, а также близких к Нерону лиц.

Что касается смерти предшественника Нерона, великого Клавдия, то сам Светоний вынужден, скрепя сердце, признать, что "непосредственным виновником смерти последнего он, правда, не был, но имел причастность к ней". Как мог Нерон иметь отношение к смерти Божественного Клавдия, если в тот период его не было даже в Риме? И не мог Нерон быть заинтересован в

смерти Клавдия, так как он высоко ставил его талант и относился к нему с великим уважением. Клавдий умер своей смертью после продолжительной болезни и не был отравлен, как утверждает Светоний.

На что только не идут некоторые авторы, чтобы опорочить человека достойного и чистого! Что же касается того, что после смерти Клавдия Нерон, на словах восхваляя своего предшественника, на самом деле "объявил недействительными многие его декреты и постановления", это клевета. Светоний не хочет принять во внимание, что политическая обстановка в Римской империи изменилась, империя была окружена врагами, враги проникли и внутрь ее. В таких условиях некоторые эдикты и предписания Клавдия несколько устарели и требовали поправок. Увеличение поборов и разорение земледельцев Светоний имеет наглость объяснять расточительством и страстью императора к помпезному строительству. В самом же деле Нерон нуждался в средствах для укрепления могущества Римской империи. В окружении врагов он должен был проявлять особую бдительность. Слова Светония "Люди привлекались по обвинению в оскорблении величества за всякое слово и действие, находившее против себя доносчика",- чистая ложь. Не за всякое действие, а за вражеское!

Светоний обвиняет Нерона в том, что он руками подосланного убийцы уничтожил своего ближайшего соратника Британника, который был якобы страшен Нерону тем, что пользовался большой популярностью в народе и многие прочили ему императорский трон. В действительности же нет никаких доказательств причастности Нерона к смерти Британника, и мне интересно спросить Светония: какая птичка нашептала ему о том, что Британника убили по приказанию цезаря?

Светоний имеет наглость утверждать, что Нерон убил своих обеих жен. Однако каждому известно, что его первая жена, разделившая с ним ложе задолго до того, как он стал императором, получила развод и умерла своей смертью, причем ее нравственный уровень оставлял желать лучшего. Что касается смерти второй жены, - Помпеи, и заявления Светония, что "он ее убил… за то, что она стала резко упрекать его…", то это пустой домысел. Мы, историки, должны быть объективны. Нам известно, что жена Нерона скончалась. Следовательно, мы должны скорбеть вместе с императором по поводу ее кончины.

Наконец, утверждение Светония о том, что Нерон довел до самоубийства своего соратника и учителя Сенеку, также не подтверждается документами. Напротив, известно, что Нерон публично поклялся в том, что Сенека напрасно питает против

него подозрения и что он, Нерон, скорее умрет, чем причинит ему какой-нибудь вред. Сенека же поступил как последний предатель, приняв яд и лишив Нерона верного и мудрого соратника.

Далее Светоний обвиняет Нерона в массовых преступлениях против римской знати и государственных лиц. Светоний признает, что Нерон, решив избавиться от старой знати, немедленно открыл два больших заговора, в которые были втянуты крупнейшие деятели Римской империи,- это заговор Пизонов в Риме и заговор Винициев в Беневенте. Да, эти заговоры были! И нелепо подозревать Нерона в том, что он их выдумал потому, что они были ему нужны для уничтожения возможных соперников. Ведь, как признает сам Светоний, когда заговорщики предстали перед судом, заключенные в тройные кандалы и прошедшие обычную пытку, "одни из них добровольно признались в преступлении, другие же даже вменили его себе в заслугу".

В разоблачении заговоров и суровом истреблении врагов империи Нерон действовал строго в рамках закона. И потому особо кощунственной кажется нам, радетелям за правду, выдумка Светония, что якобы "дети осужденных были изгнаны из Рима и истреблены ядом или голодом". Как можно бросить столь безответственное обвинение в адрес человека, который так любил детей! Достаточно вспомнить, как император заботился о мальчике Споре, которого носили на разукрашенных носилках и, как признает сам Светоний, "император то и дело целовал его".

Рассказывая о разоблачении заговоров и, совершенно не учитывая при этом обострение борьбы внутри империи, а также ухудшение ее внешнего положения, Светоний докатывается до голословного утверждения, будто "после этого он принялся истреблять без всякого разбора и меры, кого бы ему ни заблагорассудилось и по какой угодно причине. Сообщу несколько примеров. Сальвидиену Орфиту было поставлено в вину то, что он сдал три комнаты своего дома близ форума внаймы под квартиру представителям чужеземного государства". Вот тут Светоний и выдает себя с головой. Зачем бы честному римлянину сдавать квартиру представителям чужеземного государства? Какие римские секреты он продавал этим представителям? Молчишь, Светоний? Нечего сказать?

Дальнейшее перечисление "жертв" Нерона не представляет интереса для исследования, и мы его опустим. Зачем нам оправдывать иностранных агентов и заговорщиков? Также мы отвергаем, как недоказанные, сплетни Светония о том, что Нерон якобы сжег Рим. Позволим остановиться лишь на одной частности, трактовка которой нам кажется типичной для

заушательской манеры Светония. Светоний утверждает, что Нерон, выступая перед народом, специально подобрал множество юношей всаднического сословия, а также пять тысяч сильных молодых людей из плебса, чтобы они "изучили различные виды аплодисментов и усердствовали во время его выступлений". Зачем, скажите, Нерону тренировать "молодых людей", если народ каждое его слово встречал громовыми аплодисментами и криками: "Да здравствует император!"?

В заключение моей апологии я хотел бы кратко остановиться на событиях последнего периода жизни императора и развеять очередную тучу клеветы, запущенную Светонием.

Светоний осмелился утверждать, что Нерон игнорировал донесения лазутчиков о том, что галлы под водительством Виндекса готовятся к вторжению в Италию, полагая, что Виндекс никогда не осмелится на него напасть. Когда же вторжение началось, Нерон, по утверждению Светония, "в течение восьми дней кряду даже виду не показал, что собирается давать кому-нибудь приказание и, казалось, молчанием хотел заставить забыть о происходящем". Светоний пишет, что, ссылаясь на болезнь, Нерон не явился на собранное заседание сената, что в первые дни он отказался обратиться к народу. Когда же он узнал, что положение ухудшается, то "повалился на пол, жестоко сраженный духом, и долго лежал безгласный и почти полумертвый. Придя в себя, он растерзал на себе одежды и, бия себя в голову, заявил, что "его песня спета".

Говоря так, Светоний пытается вызвать у читателя подозрение в том, что великий римский полководец был подвержен трусости и растерянности, что армии его терпели поражения, потому что он истребил собственных полководцев… В самом же деле любому человеку ясно, что в те дни, когда Нерон не показывался народу, он планировал операции по отражению предательского нашествия…

На этом месте рукопись "Апологии" Гнея Домиция обрывается. Очевидно, нам так и не удастся узнать, каким образом автор трактует последние дни Нерона и какими словами воспевает его общую прогрессивную роль в истории Римской империи.

ДИСКУССИЯ О ЗВЕЗДАХ

Часть первая. Загадка

Второго эгалитария 346 года эры Галактического братства космический корабль "Рука дружбы" приблизился к планете Валетрикс. Именно этот день должен был стать днем вступления планеты в Содружество.

Планета Валетрикс находилась под ненавязчивым наблюдением галактических патрулей в течение последних ста шестидесяти лет. За ее прогрессом следили, не вмешиваясь, ибо так велят законы. Десять лет назад было решено, что по своему технологическому уровню и социальному развитию планета почти созрела для того, чтобы узнать, что она - не центр Вселенной, что рядом с ней и вдали от нее существуют цивилизации, далеко обогнавшие Валетрикс в своей эволюции и готовые способствовать бурному развитию младшей сестры.

Корабль "Рука дружбы" не в первый раз выполнял подобную миссию. И всегда успешно. Ритуал ее был разработан лучшими психологами и прогнозистами Галактики. Экспедиция Приобщения была знакома с местным языком, обычаями и национальным характером валетриксян. Ее руководитель был осведомлен о том, как и что сказать при первой встрече с аборигенами, знал, какие подарки им преподнести, и как убедить их, что пора избавиться от локальных недостатков и приобщиться к галактическим достижениям.

Приняв форму и цвет, наиболее приятные глазам аборигенов, "Рука дружбы" опустилась неподалеку от столицы.

Посадка была произведена в ясную погоду утром.

Вскоре подъехала военная машина. В ней находились три человека в форме. Капитан корабля и психолог вышли им навстречу и на отличном местном языке объяснили, что прибыли с миссией доброй воли.

Командир военной машины велел им войти обратно в корабль и ждать распоряжений, а сам вызвал по рации наряд, который окружил корабль и пресекал попытки местных жителей приблизиться к пришельцам. Никто на корабле этому не удивился - подобный вариант встречи был проигран на компьютерах десятки раз.

Примерно через два часа к кораблю приблизилась машина высокопоставленного вельможи в сопровождении нескольких

танков. Капитану корабля и психологу было предложено следовать в город.

В городе их провели в высокое здание с толстыми стенами, которое, как было известно по снимкам с летающих тарелочек, заключало в себе Академию наук, соединявшуюся подземным переходом с Управлением правопорядка.

Так как при входе в Академию наук пришельцев обыскали и изъяли у них передающую аппаратуру, связь с ними на этом этапе прервалась, что не вызвало тревоги, так как и этот вариант был просчитан и предусмотрен.

Переговоры затянулись. Видно, интерес к галактической миссии был так велик, что команда корабля успела пообедать и отдохнуть. В шестнадцать часов, когда на "Руке дружбы" обсуждали меры, должные вызвать у аборигенов чувство преклонения перед могуществом пришельцев, над кораблем появилась эскадрилья самолетов.

Поочередно пикируя на корабль, самолеты сбросили несколько атомных бомб. Несмотря на то, что бомбы были относительно первобытными, обшивка корабля не выдержала, и в мгновение ока корабль и люди, находившиеся внутри, испарились.

Новость эта ввергла в шок всю Галактику.

Несмотря на то, что сотрудники Центра галактических контактов доказывали, что цивилизация Валетрикса не обладает исключительной агрессивностью и ни один компьютер не смог бы предсказать столь нелепую и бесчеловечную реакцию на миссию доброй воли, гнев общественности против сотрудников, не предотвративших гибель людей, был настолько велик, что весь Центр был вынужден подать в отставку.

Тем временем началась эпопея по спасению капитана и психолога экспедиции. Помимо чисто гуманных соображений, за этой эпопеей скрывалось жгучее желание разгадать тайну гибели "Руки дружбы".

Как известно, капитана корабля спасти не удалось, так как он был ликвидирован. Но психолог остался жив, его удалось отыскать и вывезти с Валетрикса.

Как из его показаний, так и из сведений, принесенных микроразведчиками, мы имеем полную картину событий, происшедших на той планете, и считаем своим долгом ознакомить с ними Галактику во избежание повторения трагедии.

Часть вторая. Разгадка

Серапион Неклыс не смог одолеть университетского курса. Изгнанный из университета, он устроился преподавать словесность в торговое училище, где чувствовал себя обойденным и униженным. Но у него было увлечение. На жалкую свою зарплату он купил телескоп. Цель этой покупки была простой. Неклыс еще в школе надеялся когда-нибудь открыть звезду, которую назовут его именем. Теперь же открытие такой звезды казалось ему единственным выходом из тупика.

Неопрятный внешний вид, физическая нечистоплотность, высокий, визгливый голос и настойчивый взгляд фанатика усугубляли его одиночество, а отсутствие женской привязанности освобождало ему ночи для того, чтобы проводить их у телескопа. Телескоп был слабеньким, никакой звезды в такой не откроешь, и с годами Неклыс все более утверждался в отчаянном убеждении, что он жертва заговора, направленного на то, чтобы закопать в землю его талант.

Неклыс не высыпался, кричал на учеников, даже, говорят, бил девочек. По жалобе родителей одной из его жертв Неклыса выгнали из училища. Его делом занимался инструктор Управления обучения по имени Резет, человек махонького роста, страшно амбициозный, отлично изучивший основные труды Вождя и слывший грозой проштрафившихся педагогов.

Когда Неклыс предстал пред грозные очи карлика, тот полагал, что столкнулся с обычным делом: невежда и истерик заслуживает лишь одного -изгнания.

Но уже в первую встречу Неклыс произвел на Резета сильное впечатление. Он ни в чем не каялся, ни в чем не чувствовал себя виновным. Вместо этого он утверждал, что современная астрономия находится в руках проходимцев и врагов государства, что астрономы открыли за последние годы массу новых звед, однако скрывают их от народа и за большие деньги продают зарубежным врагам, которые и пожинают лавры первооткрывателей.

Резет отказался подписать приказ об увольнении Неклыса, и тот вернулся в училище, к вящему удивлению своих коллег и учеников. А тем временем Резет написал статью в одну из газет о самородке, который на крыше своего скромного дома открывает новые звезды.

Резет рассчитал правильно. В те годы на Валетриксе много писали о талантах, вышедших из глубин народа. И неудивительно: самым ярким из них считался сам Вождь,

который, по официальной версии, будучи бедным сапожником, смог заочно закончить университет и одновременно готовить революцию. Это было ложью, потому что он был не сапожником, а сыном фабриканта сапог, да и в революции не участвовал. Он вышел на сцену потом, когда революционеры боролись за наследство Первого Вождя.

О народных талантах писали много. Большой известностью пользовался безногий инвалид войны, который научился танцевать. Он был взят в труппу Главного театра и назначен ведущим солистом. Его редкие выступления проходили под бурные овации, хотя инвалид танцевать, естественно, не умел. Специально для него писались балеты со статичным главным героем. Знаменитостью стала одна бездарная певица, которая вывела новую породу пингвинов. Был создан центр разведения пингвинов, и певица обещала с помощью пингвиньего мяса решить продовольственную проблему в государстве. Правда, пингвинье мясо никто есть не хотел. Да и было его не много: пингвины плохо размножались в умеренном климате.

Расчет Резета был верен.

Учителя словесности, который открывает во славу Вождя новые звезды, заметили, и он перестал ходить в класс. Он сидел теперь на крыше круглые сутки и смотрел на небо в сильный телескоп, приобретенный ему в подарок по подписке среди родителей учащихся и педагогов.

Как-то ночью к нему поднялся Резет. Резет стал редактором городской газеты, купил новый костюм и понимал, что пора придумать инициативу, прежде чем затопчут завистники.

– Слушай, Серапион,-сказал он, сидя на табуретке рядом с телескопом и глядя невооруженным глазом на звезды.- Где же обещанные звезды?

– Телескоп слаб,-сказал Серапион, не отрываясь от окуляра.

– Неужели ни одной так и не открыл?

– Открыл несколько,- сказал Неклыс.- Но оказалось, что они уже перехвачены.

– Другие перехватили?

– Главная обсерватория.

– А мне звонили из Дома. Наш Сам прочел статью. Спрашивает: чем порадуешь?

– Буквально на днях,- сказал Неклыс. - Может быть, завтра. Я как раз сейчас рассматриваю одно подозрительное созвездие.

– Большую звезду рассматриваешь?

– Шестнадцатой величины. Слабенькую.

– Слабенькая не годится,- сказал Резет.

– Не понял.

– Нам нужна большая звезда. Которую может увидеть каждый дурак.

– Но они все открыты!

– Я зря на тебя сделал ставку,- сказал Резет, попыхивая сигаретой.-Ты труслив и глуп.

– Откуда я ее тебе найду?

Резет встал и протянул указательный палец к зениту.

– Это что? - спросил он.

– Это главная звезда созвездия Медальона. В сказках ее называют звездой Печали.

– Отлично,- сказал Резет.- Вот ее ты и откроешь, голубчик.

– Это невозможно!

– Для нас нет ничего невозможного.

– Надо мной будут смеяться.

– Не посмеют,- сказал Резет,-потому что ты дашь ей имя.

– Нельзя! У нее есть имя!

– Это старое, изжившее себя имя. Отныне открытая тобой звезда будет называться звездой Вождя. Ясно?

– Ничего не ясно! - Неклыс был в отчаянии.

Но Резет сверкнул в темноте вставными золотыми зубами и простучал высокими каблуками, сбегая по деревянной лестнице.

На следующий день городская газета на первой странице поместила трогательный рассказ о том, как простой человек из народа, талант и умелец, смог найти и открыть звезду Вождя. Звезду, которую проглядели академики и профессора и которую, разумеется, не открыли зарубежные враги. Каждый желающий может увидеть эту звезду.

Трудно представить, какой шум поднялся в тот день в научных кругах. Как хохотали над глупым редактором и жуликом-любителем! Сотни возмущенных и издевательских писем пришли в газету. В коридорах журналисты показывали желающим на маленького Резета, который завтра вылетит с работы из-за крайнего идиотизма. Резет все слушал и молчал. Он сделал ход, который мог стоить ему головы. А мог снести много чужих голов.

Через два дня в газете было опубликовано краткое письмо Вождя, в котором тот изъявлял личную благодарность астроному-любителю Серапиону Неклысу и предостерегал в будущем от подобных инициатив, так как скромность не позволяет Вождю принимать знаки внимания со стороны народа.

Газета еще набиралась в типографии, а потрясенные сотрудники проползали мимо кабинета Резета на четвереньках. Более сообразительные с утра принесли ему списки тех, кто посмел ставить под сомнение открытие и гениальность главного

редактора.

Резет выгнал с работы всех непокорных и заслал их на изумрудные рудники. Он мог это сделать, потому что был назначен Господином культуры и науки и получил прямую трубку для связи с Господином правопорядка.

В Главной газете было напечатано коллективное письмо академиков и профессоров, которые поздравляли нового академика Серапиона Неклыса, человека из народа, с эпохальным открытием.

Были срочно напечатаны новые атласы звездного неба и сделано гневное представление посольствам иностранных держав, которые не откликнулись на переименование.

Академики и профессора шептались по углам, жаждали справедливости и писали анонимные письма Вождю, в которых пытались восстановить истину. Авторов выявляли по почерку.

Директор Центральной обсерватории Серапион Неклыс продолжал с прежней настойчивостью проводить ночи за телескопом, в чем ему теперь помогали две тысячи научных сотрудников. Многие вельможи государства приезжали к нему и кто просьбами, кто за деньги, выражали желание, чтобы он открыл для них хоть по маленькой звездочке. Некоторым Неклыс подарил по астероиду. Но не больше. "Звезда в небе может быть одна", - любил он повторять с улыбкой.

Неклыс приоделся, жил теперь в большой вилле, где при нем числились секретари, аспиранты, стенографы, охрана и любовница, на которую у директора Обсерватории не хватало времени.

Так прошло два года. Все привыкли и к новой звезде, и к новому положению друзей. Но их враги не дремали. Они собирали силы. Как-то в университетском журнале появилась статейка, которая ставила под сомнение научную компетентность Неклыса, правда, не оспаривая справедливости того, что самая яркая звезда на небе носит имя Вождя. Редактора того журнала сняли и арестовали. Но сам по себе сигнал был симптоматичен. Затем на одной конференции сразу три недобитых академика принялись задавать Неклысу провокационные вопросы, на которые он не стал отвечать. Но вопросы были заданы, а академики, как ни странно, ушли из зала живыми.

Через час Резет позвонил Господину правопорядка и поинтересовался, почему академики до сих пор на свободе. На что получил сухой ответ:

– Потому что их не за что сажать!

– Но они же поставили под сомнение?!

– А может, правильно поставили?

И Господин правопорядка, которого, очевидно, опутали своими сетями агенты врагов, повесил трубку.

Резет, Неклыс и их ближайшие соратники собрались на вилле Неклыса, чтобы обсудить тревожный симптом.. Настроение у всех было подавленное. Говорили, что некий прохвост проник к Вождю и обещал ему открыть целое созвездие. Еще говорили, что старый президент академии потребовал, чтобы Неклыса подвергли экзамену за курс средней школы. И Вождь всех слушал.

И молчал.

– Нужна идея,- сказал Резет.-Если мы не найдем идеи, которая сокрушит врагов, нам не жить.

– Я не хотел,- сказал Неклыс, который в последние дни с тоской вспоминал недавнее время, когда он сидел на крыше училища у слабенького телескопа.

– Твоих желаний уже не существует,- сказал Резет. -Ты историческая фигура и исполняешь волю судьбы. И если ты упадешь, то увлечешь в пропасть всех нас.

Ропот ужаса прокатился по толпе сторонников. Некоторые стали подвигаться к дверям, собираясь улизнуть и сообщить миру, что их патрон -самозванец.

– Может, и в самом деле открыть созвездие Вождя? - спросил заместитель Неклыса.

– Глупо,-оборвал его Резет.- Созвездия Вождю уже предлагали. Думайте, думайте!

– Черт побери! - Неклыс вскочил с кресла и принялся бегать по кабинету.- Если бы небо было твердым, я бы продырявил на нем звездами имя Вождя!

– Стоп! - крикнул Резет.

– Не обращай внимания,- отмахнулся Неклыс-Я в переносном смысле.

– Переносного смысла не бывает,- сказал Резет. Его узкая длинная головка уже лихорадочно работала. - Может, в этом наше спасение.

– В чем?

– Все астрономы, в том числе и наши, твердят, что Вселенная бесконечна,- сказал Резет.- И звездам нет числа…

С этими словами он выбежал из кабинета, и тут же за окном взревел его автомобиль.

Астрономы вскоре разошлись. Многие полагали, что Резет сошел с ума. Другие спешили покаяться.

На следующее утро в Главной газете появилось открытое письмо Вождю.

"Дорогой Вождь! - говорилось в нем.- Вот уже несколько лет я, руководствуясь Вашими идеями, веду тщательные наблюдения за

звездным небом. Если бы не Ваша постоянная забота и поддержка, мне бы никогда не удалось сделать тех открытий, которыми теперь по праву гордится отечественная наука. Однако в последнее время положение в астрономии категорически ухудшилось. Сплотившиеся враги патриотического направления в астрономии полностью продались зарубежным авторитетам и перекрывают воздух тем ученым, которые во главе со мной пытаются отстоять ценности, лежащие в основе веры наших пращуров.

Я должен довести до Вашего сведения, что, движимые низкопоклонством перед врагами, наши лжеастрономы взяли на вооружение лживые теории иностранного монаха Перника и сожженного возмущенным народом реакционера Джубруна, которые внушали людям, что наша Валетрикс не центр Вселенной, а лишь одна из многих планет. Это измышление, подхваченное реакционерами всех мастей, полностью опровергается жизненным опытом народа и его здравым смыслом. Новый сокрушительный удар эта лжетеория получила в последние годы, когда Вы лично возглавили передовое и прогрессивное человечество. Уже одного этого факта достаточно, чтобы убедиться в том, что Валетрикс является центром Вселенной. Но перникисты-джубруниcты ставят под сомнение центральность нашей планеты, намекая таким образом, что на каждой из планет может родиться Вождь, подобный Вам.

Так как предательские воззрения перникистов-джубрунистов разделяются Академией наук, а мне, как и другим истинным патриотам, закрыт путь к истине, прошу уволить меня и позволить вернуться к моему скромному телескопу, чтобы искать в твердыне неба знаки моей правоты.

Бывший начальник Главной обсерватории, академик Серапион Неклыс".

Вся страна, весь мир хохотали над этим письмом. Даже ученики младших классов не могли удержаться от издевок.

Неклыс в панике примчался к Резету и кричал в подвале, куда его быстро увел идеолог:

– Ты меня опозорил! Мне теперь все закрыто! Мне стыдно выйти на улицу!..

– Я все продумал. Выбора не было, - вздохнул Резет. - Я пошел на риск.

– Но почему подписано моим именем?

– Потому что ты большой ученый, а я маленький политик. Лучше выпей!

Резет и Серапион в тот день напились до безобразия, пели

песни, крушили мебель. В таком состоянии их застал фельдъегерь из Дома. Он привез ответ Вождя. Ответ был краток:

"Работайте спокойно".

Через полгода в Академии наук прошла дискуссия о принципах строения Вселенной. К тому времени Резету, который занял по совместительству пост Господина правопорядка, удалось лишить жизни и свободы наиболее упрямых сторонников множественности миров и бесконечности Вселенной. Остальные трепетали.

Но, несмотря на то, что исход дискуссии был предрешен и вся пресса государства с энтузиазмом поддержала прогрессивную позицию Серапиона Неклыса, среди астрономов и даже физиков нашлось несколько идиотов, которые старались поставить под сомнение народную мудрость. После дискуссии, которая приняла историческое постановление "Считать небо твердым!", упомянутых ретроградов отправили на изумрудные рудники.

Небо стало твердым, и никто уже в этом не сомневался. Дети в школе учились по учебникам, в которых доступно доказывалось, что Валетрикс -единственная планета в мире, потому что в нем есть место лишь одному великому Вождю.

Так как наука должна была развиваться далее, Неклыс периодически выступал с новыми смелыми идеями.

Последней из них было предложение объединить усилия астрономов и артиллеристов: построить такую пушку, чтобы она могла дострелить до неба и пробить его твердь. Но не просто пробить, а выбить в нем ряд отверстий, которые вкупе читались бы как имя Вождя. И тогда каждый житель планеты, выходя вечером на улицу, сможет обратить взор к небу и согреть сердце лицезрением любимого имени.

Вождь дал согласие на эксперимент.

Три года ушло на строительство пушки, и ресурсы государства были напряжены до предела. Великое свершение было не за горами.

На четвертый год пушка выстрелила, а когда дым рассеялся, оказалось, что в небе не возникло новой дырки. Артиллеристы, прежде чем их расстреляли, утверждали, что им всучили неправильные данные о расстоянии от Валетрикса до небосвода.

Но Резет и Неклыс убедительно доказали Вождю, что артиллеристы неправильно прочитали чертежи. Были набраны новые артиллеристы, и началось строительство новой пушки, втрое больше первой.

И именно в эти месяцы, полные голодного энтузиазма и благородных лишений, на большом поле возле столицы неожиданно опустилось некое яйцеобразное сооружение, из

которого, как донес в Дом начальник патруля, вышли люди, умеющие говорить на нашем языке и утверждающие, что они прибыли с другой планеты.

Двоих из них вскоре доставили в Дом. Там с ними беседовал сам Вождь. При беседе присутствовали Резет и Неклыс.

– Вы утверждаете,-сказал Вождь, старчески шагая по мягкому ковру,-что прибыли с другой планеты?

– Совершенно точно,- ответил капитан "Руки дружбы".

– Как же вы могли это сделать,-Вождь улыбнулся своей известной каждому ребенку лукавой и доброй усмешкой и почесал седые бакенбарды,- если небо, как известно, твердое?

– Не может быть! - воскликнул психолог Галактического центра.- При вашем уровне цивилизации вы должны находиться на пороге космических полетов и давно уже знать, что Вселенная бесконечна.

Вождь покосился на Неклыса, Неклыс в растерянности - на Резета.

– Мы все это слышали,- вздохнул Резет. Он был страшно перепуган. Этот разговор мог оказаться последним в его жизни.- Нам об этом давно твердили враги. К счастью, наша наука опровергла реакционные бредни.

– И все же,- вежливо сказал капитан,- мы прилетели.

– Если бы вы пробили наше небо,- задумчиво произнес Вождь,- в нем образовалась бы дыра. А дыры нет. Нет? - с этим вопросом он обратился к Неклысу.

– Нет дыры,- согласился тот. Он пытался сообразить, не лучше ли покаяться сейчас, чем ждать, пока покаяния из него выбьют.

– Ты что-то хотел сказать? - спросил проницательный Вождь.

– Мы не рассматривали вопрос,- сказал Неклыс, дрожа коленями,- есть ли Вселенная за пределами твердого неба. Не исключено…

– Исключено, исключено! - завопил Резет, который был умнее своего друга.- Там ничего нет!

– А если было,- тихо сказал Вождь, - то за пределами могли бы появиться иные вожди. Ваши слова, Неклыс?

– Это Резет написал! - признался астроном.- Я не хотел.

Вождь будто и не услышал этих слов. Он обратился к капитану "Руки дружбы":

– Вы продолжаете настаивать на том, что Вселенная бесконечна?

– И число населенных миров в ней велико, -терпеливо ответил капитан.

– А вы? -вежливо спросил Вождь у психолога.

– Я не хотел бы углубляться в дискуссию,-сказал тот. Он был ученым и хотел сначала понять глубину заблуждений и убежденности своих оппонентов.-Не исключена иная точка зрения.

– Увести их,-сказал Вождь. Затем обернулся к Резету.- А их яйцо стоит?

– Еще стоит,- сказал взбодрившийся Резет.

– Тогда вы знаете, что делать.

На Неклыса он не смотрел.

Вечером того же дня Резет был снова принят Вождем.

– Ну, что нового? - спросил Вождь, стоя у окна и глядя в сад.

– Случилось несколько происшествий,- сказал Резет.- Некоторые настолько драматичны, что я опасаюсь…

– Говори.

– Сегодня при учебном атомном бомбометании случайно уничтожено инородное тело, что упало с твердого неба,- сказал Резет.

– И что?

– Тело разрушено, и все погибли.

– Жаль,- сказал Вождь.- Есть ли жертвы среди мирного населения?

– Минимальные, - ответил Резет.

– Назначить родственникам пенсии,-сказал Вождь. -Что еще?

– Из двоих сумасшедших, которые пытались настаивать на лживых теориях, один застрелен при попытке к бегству.

– Ага,- согласился Вождь.- Это тот, что упорствовал.

– А второй жив. Я буду беречь его на случай, если Вам захочется с ним побеседовать.

– Разумно,- сказал Вождь, - мне всегда интересны чужие идеи. Это все?

– Все.

– Тогда идите и еще подумайте,- сказал Вождь, так и не обернувшись.

Резет послушно покинул кабинет Вождя. Он был грустен. Он поехал на виллу к Неклысу. Они долго говорили, вспоминали молодость. Затем Резет вернулся в Дом.

Он позвонил снизу.

Вождь не спал. Он читал. Он только спросил:

– Что у вас еще?

– Несчастье,-сказал Резет.-Напоровшись на нож в припадке безумия, погиб наш ведущий астроном Серапион Неклыс.

– Я искренне скорблю,- сказал Вождь.- В официальном сообщении не надо упоминать о безумии. Это грубо. Достаточно сердечного приступа. И учтите, я буду на похоронах. Так что

обеспечьте безопасность.

Рассказывают, что у гроба Серапиона Неклыса Вождь уронил слезу.

ВСТРЕЧА ПОД РОВНО

Суус шел впереди. Он был в длинной белой бурке генерала Скобелева, из-под которой выглядывал, цепляя за траву, конец казачьей шашки. Он насвистывал марш конногренадеров. Настроение было чудесным. А какое еще может быть настроение у дипломника школы десантников, которому удалось сбежать с квантовой механики именно в такой светлый и яркий весенний день?

Хил топал сзади, вращал острым носом, словно дулом бластера, ожидая засады коварных смугляков. На шее у него болтался вырезанный из пластика и покрашенный тушью Железный крест.

– А ну держитесь, злобные турки! - зарычал Суус и принялся размашисто рубить шашкой крепкие прямые стебли грутисов. Желтые гроздья щедро сыпались на бурую весеннюю траву.

На секунду солнце заслонила тень орбитальной станции Всеобщих искусств. Видно было, как точками на фоне ослепительно синего неба к ней слетались флаеры и питекоры. Через час начнется симфонический концерт гармонического совершенства.

– Ну и тоска! - вдруг сказал Суус.- Все сделано, все совершено, все рассчитано! Скорей бы улететь отсюда - и за дело!

– Ты знаешь, что ждет нас сегодня после высококалорийного ужина?-усмехнулся Хил.

– Нечто ужасное?

– Будем разбирать роковой поступок двух мальков из подготовительной секции, которые умудрились истоптать клумбу у видеотеки.

– И тем нарушили экологический баланс нашего садика,-с преувеличенным отвращением в голосе простонал Суус.

Они сели на краю заброшенного шоссе. Между бетонных плит пробивались мягкие иглы рюсы.

– Хорошо, что в Галактике еще столько всего не сделано,- сказал Хил.- На наш век хватит.

– Представляешь, - Суус расстелил на траве белую бурку и лег на нее, глядя в небо.- Встретимся мы с тобой лет через сорок-пятьдесят. Космические волки…

– Вершители.

– Носители справедливости!

– Высшей справедливости.

– Гармонии мироздания!

– Облеченные тайным знанием высшей цели!

И оба расхохотались и принялись тузить друг дружку под шум двигателей слишком низко летевшего рейсового капсюль-модуля "Экватор - полюс"…

Третий день лил дождь. Капли срывались с осиновых листьев, и те, сбросив тяжесть холодной воды, вздрагивали и распрямлялись.

У лесного аэродрома партизан не было. Когда они кончили расчищать поле и утрамбовывать кочки, их под конвоем десантной группы СМЕРШ увели в чащобу. Там, в землянках, они будут ждать. Может, еще понадобятся.

В двадцать три сорок, с опозданием в две минуты, послышался гул моторов.

Солдаты, сидевшие сгорбившись под плащ-палатками у костров, подчиняясь засверкавшему из-под старой ели фонарику, плеснули на дрова бензин и зажгли костры.

"Дуглас" вышел низко из-за вершин и сразу пошел на посадку.

Еще минуту или две можно было слышать над головой жужжание истребителей сопровождения.

Винты "Дугласа" еще вращались, когда на поляну выбежали рассыпаясь веером, тени солдат из спецгруппы.

Люк "Дугласа" открылся, из самолета на мокрую траву упал овал тусклого желтого света.

Трап звякнул об округлый борт и прижал траву. Человек, появившийся вслед за пилотом в люке, остановился, вглядываясь в темноту.

– Все в порядке,- сказал майор.

И его слова были заглушены очень громким в этой тиши треском мотора немецкой трофейной танкетки.

В танкетке было сыро и зябко. Очень трясло.

Сталин долго старался раскурить трубку, но спички гасли.

Майор, сидевший рядом, тщетно старавшийся не дотронуться плечом, протянул зажигалку, сделанную из винтовочного патрона.

Сталин молча взял ее, но курить расхотелось.

– Сколько ехать? - спросил он.

– Сейчас будет дорога,- ответил майор.

Танкетка задрала нос, влезая на насыпь. Сталин навалился на майора. Он ничего не сказал, но майор ответил:

– Ничего.

– Сигналят,- сказал водитель танкетки.

Танкетка замерла.

– Это они? - спросил Сталин.

– Две вспышки. Одна. Еще две. Они,- сказал майор.

Сталин молча потянулся к люку. Майор помог открыть его.

Ему хотелось что-то сказать. Он с трудом сдерживался.

– Не волнуйтесь,- сказал Сталин.- Ждите, как условлено. Я буду через два часа.

Сталин прошел несколько шагов к темному пятну на серой мокрой дороге. Остановился. Достал из кармана плаща зажигалку майора. Но закуривать снова не стал. Спиной он чувствовал взгляд и страх майора.

У низкого черного "мерседеса" стояли люди в черных блестящих плащах. Блеском плащей и неподвижностью они казались продолжением машины.

Один из них ловко и даже щеголевато распахнул дверцу.

Сталин не смотрел в их лица.

Дверца захлопнулась.

"Мерседес" сразу заурчал. Сталин отметил про себя, что рессоры у "мерседеса" лучше, чем зисовские.

Ехали минут сорок. Рядом со Сталиным сидел офицер в блестящем плаще. Длинные, тяжелые кисти рук лежали смирно на коленях. Сталину был виден циферблат его часов с зеленоватыми фосфоресцирующими цифрами.

Один раз пришлось остановиться у пропускного пункта. Человек рядом с водителем опустил стекло, и сразу стало свежо. Он сказал пароль. Сталин не прислушивался.

Когда доехали до места, у Сталина затекла нога. Выйдя из "мерседеса", он чуть не вскрикнул от неожиданной боли. Пошатнулся. Офицер в блестящем плаще успел подставить ладонь, и Сталин оперся на нее. Перед глазами оказались петлицы офицера. Блеснули кубики. Сталин подумал, что надо будет по возвращении ознакомиться со знаками различия СС. Хотя эта информация вряд ли пригодится.

Гитлер встретил его на лестнице бункера.

Дверь сверху звякнула, вдвигаясь в стену.

– Здесь никого нет,- сказал Гитлер.- Только мы с тобой. Раздевайся. Дай я тебе помогу.

Гитлер повесил плащ Сталина на вешалку из оленьих рогов. Стены бункера были серые. Посреди низкой, длинной комнаты без окон стоял стол, на котором лежала большая оперативная карта.

– Мой Шапошников отдал бы полжизни, чтобы поглядеть на это,- сказал Сталин.

Они обнялись. За те месяцы, пока они не виделись Гитлер изменился. Под глазами мешки, щека дергается.

– Ты тоже не помолодел.-Гитлер угадал мысль Сталина.- Иди сюда.

Они прошли в следующее помещение. Там стоял черный

кожаный диван и несколько кресел. На низком столе странное сочетание: бутылки вина, сока, молоко в хрустальном графине.

– Ухаживай за собой сам,- сказал Гитлер. -Тут есть твое вино.

– А ты все такой же трезвенник? - спросил Сталин.

– Мне бы надо подлечиться,- сказал Гитлер.- Здесь не врачи, а костоправы. Кликуши какие-то.

– Потерпи,- сказал Сталин.

Он налил полный бокал Кинсмараули. Он все еще никак не мог согреться. В бункере было тепло, но холод путешествия въелся в кости.

– Как добрался? - спросил Гитлер.

– Нормально. Даже вздремнул в самолете.

– На "Дугласе" летел? - спросил Гитлер.

– Да.

– Тебя засекли,-сказал Гитлер.- Мне доложили. Хорошо, что сначала доложили, а потом хотели сбить.

– У меня были неплохие истребители,- сказал Сталин.- Асы.

– "Яки"?

– Это военная тайна, - улыбнулся Сталин.

Теперь можно было закурить. Гитлер поморщился.

– Ты и табачного дыма не выносишь?

– Это вредно,- сказал Гитлер.

– Мы стареем,- сказал Сталин.- Как наши?

– Я почти никого не вижу,- сказал Гитлер.- Была депеша Ямамото. Он недоволен Макартуром.

– Я еле отговорил Мацуоку,-сказал Сталин,- ударить по Дальнему Востоку. У него странные идеи.

– А ты не задумывался, - сказал Гитлер,- как образ жизни, повседневное окружение нас переделывают? Мы начинаем всерьез относиться к своим обязанностям.

– Ко мне это не относится,- сказал Сталин.

– Правильно, пускай этим занимаются аналитики дома,- сказал Гитлер.

– Я страшно стосковался по дому,- сказал Сталин.

– Осталось три года,- Гитлер осторожно налил из графина в стакан молока.- Здесь молоко хорошее. Коровы едят лесные травы.

– Тебе три. Мне, вернее всего, куда больше. Боюсь, как бы не все десять.

– Я вернусь, постараюсь тебя вытащить,- сказал Гитлер.

Они прошли в большую комнату, к столу.

– Я не согласен с центром,-сказал Сталин.- Поэтому и просил тебя о встрече.

– Я понял,- ответил Гитлер.- И даже подозреваю, о чем

будешь просить.

Сталин постучал трубкой по середине карты.

Искра упала на карту, и Гитлер быстро смахнул ее на пол.

– Это Сталинград,- сказал Сталин.- Я тебе его не отдам.

– Но в центре полагают, что ты должен остановить меня у Урала,-заметил Гитлер.

– А сам ты что думаешь?

– Эгоистически я с тобой согласен,- сказал Гитлер.- Взятие Сталинграда продлит войну еще на полгода. Значит, я на полгода позже буду дома. И я боюсь, что просто не доживу.

– Эгоистически,- повторил Сталин.- Сейчас речь идет не о твоем эгоизме, Хил, мой мальчик.

– Каковы твои аргументы?

– Мы выполнили демографические требования центра,- сказал Сталин.- Я сам просчитал недавно: начиная с 1914 года Россия потеряла пятьдесят миллионов человек, почти половину населения.

– Русские быстро плодятся,- сказал Гитлер. - Ты тоже внес свою лепту.

– Не намного больше, чем планировалось,

– Им хорошо сидеть у компьютеров,-сказал Сталин с неожиданной горечью.- Страна дошла до предела! Когда мы планируем уничтожение в Японии самурайства и раскидываем японский офицерский корпус, как носитель генетики самурайства по островам Тихого океана, чтобы истребить его руками Макартура, я вижу в этом четкую задачу прогресса. Когда мы катастрофически ослабляем Россию, понимая, что в ином случае она станет угрозой дальнейшему развитию земной цивилизации, что она сожрет западные демократии, я иду на это. Когда мы подрываем и уничтожаем германский милитаризм, устраивая первую мировую войну, поощряя фашизм, кидая твои армии в мясорубку, мне тоже ясна логика центра. Но сейчас наступил перебор. Уничтожение моих армий под Сталинградом, ликвидация населения в Поволжье и Закавказье уже не дают прогрессивного эффекта. Не исключено, что твои армии дойдут до Урала и Средней Азии - а ведь именно туда мы отправили те умы страны, что пригодятся для будущего…

– Юпитер, ты сердишься, значит, ты неправ,- тихо сказал Гитлер.-Человек не в состоянии соревноваться с компьютером. Этому нас, мой Суус, учили в школе. Ты стал с возрастом сентиментален. Боюсь, что ты стал отожествлять себя со страной, куда тебя кинули. Ведь порой приятно быть кумиром, живым богом, признайся.

– Я недавно видел хронику. Ты на трибуне. Гадкое зрелище.

Ты буквально беснуешься.

– Видишь, я задел тебя за живое,- сказал Гитлер. - Выпей молока. Здесь коровы едят лесные травы.

– Ты повторяешься.

Сталин смотрел на карту.

– Это удивительная и страшная планета,- сказал Гитлер.- Будь моя воля, я бы снял ее со списка прогресса. Пускай они сами себя сожрут. Чего стоит этот болезненный культ тиранов! Чем больше людей ты уничтожаешь, тем больше тебя воспевают.

– В этом отношении ты по сравнению со мной мальчишка.

– Может быть. Потому и трубы в честь тебя гремят громче.

Они стояли и смотрели на карту.

Потом Гитлер сказал:

– Тебе пора.

– Ты когда свяжешься с центром? - спросил Сталин.

– Сегодня ночью, - сказал Гитлер. - И я поддержу твою просьбу. Мне так хочется домой…

Гитлер проводил Сталина до лестницы.

– Помнишь, мальчишками мы мечтали о подвигах и боях?

– Мы тогда не знали, как пахнут реки крови,- сказал Сталин.

– Но мы не делаем великое и благородное дело,- сказал Гитлер.-Когда-то, достигнув гармонии, земная цивилизация воспоет нас… уже не как тиранов.

– Трудно,- сказал Сталин.

– Я поддержу твою просьбу.

Сталин вышел под дождь. "Мерседес" стоял у самого входа в бункер. Плащ не успел высохнуть, и от него было холодно и гадко.

Далеко-далеко, под невидимыми сквозь тучи звездами нарастал смутный гул.

"СБ" идут, подумал Сталин. Я вчера приказал совершить налет на Берлин и почти забыл об этом. А они идут.

Немецкие офицеры замерли, глядя в небо.

Уже в танкетке, возвращаясь к партизанскому аэродрому и отворачиваясь от майора, которого вдруг одолел кашель, Сталин вспомнил, что надо бы увеличить пайки писателям, эвакуированным в Чистополь. Но за делами он все время об этом забывает. Впрочем, если те писатели вымрут, найдутся другие. В сущности, это мелочь.

Они сидели на краю заброшенного, забытого шоссе. Между старых бетонных плит росли кусты рюсы. В лучах закатного солнца вспыхивал искоркой высоко летевший питекор.

Суус сорвал травинку и принялся жевать ее.

– Знаешь, о чем я тоскую? - сказал он.- О глотке хорошего

грузинского вина.

– Не могу разделить твоей тоски,- сказал Хил. Здоровый образ жизни и несколько удачных операций сделали свое дело. Он казался куда моложе, чем тридцать лет назад, осенью 1942 года по христианскому летоисчислению, в бункере под Ровно. - Мне мысли о той планете отвратительны.

– Я знаю почему, - сказал Суус, поглаживая седые усы - он не смог отказаться от них, вернувшись домой.- Потому что ты потерпел поражение. Помнишь, ты укорял меня за то, что я начал на каком-то этапе ассоциировать себя с социумом, которым я руководил?;

– Не в поражении дело. Мне всегда был гадок строй, который я вынужден был создать, и маска, которую я носил.

Хил лег на спину и прищурившись смотрел в яркое синее небо.

– Может быть,- сказал он после паузы,-виной тому страх. Страх смерти в апреле сорок пятого.

– Наши тебя еле успели вытащить,- сказал Суус.- А какие новости с Земли?

– Ты знаешь.

– Знаю. Но думаю, что мы делаем ошибку.

– Нет, я разделяю позицию центра.

– Но столько усилий! Столько жертв! Если я не ошибаюсь, там за эти годы погибло шестнадцать наших с тобой коллег.

– Семнадцать,-сказал Хил.

– Такие жертвы - и все впустую! Нет, контакт прерывать было нельзя!

– В нашем большом деле бывают ошибки,- сказал Хил.- Если цивилизация генетически тупиковая, дальнейшие жертвы бессмысленны.

– Значит, мы плохо с тобой работали.

– Мы с тобой хорошо работали.- ответил Хил. - Мы отдали Земле лучшие годы жизни. Мы старались…

– По расчетам центра, когда они себя уничтожат?

– Через двадцать лет…

– Черт возьми! - сказал по-русски Суус.- Полжизни за бокал кинсмараули!

– Тебе надо показаться психиатру, Суус,- сказал наставительно Хил.

СТАРЕНЬКИЙ ИВАНОВ

Разумеется, он не всегда был стареньким. Это он только в последние годы стал стареньким. Его койка стоит в убежище рядом с моей, и он мне показывал свои детские фотографии.

Иван Иванович, серьезный, худенький, одетый почему-то в девичье платьице, сидит на коленях у массивной женщины в большой шляпе и с выходящим из живота обширным бюстом.

– Похож;? - спросил Иван Иванович.

– Похож,- сказал я.

– И всегда был похож,-сказал Иван Иванович.- А это моя мать. Она меня воспитывала в бедности, но строгости. Папа нас оставил в младенчестве.

С первого взгляда ясно, что иначе воспитывать она не умела.

Историю своей интересной жизни Иван Иванович рассказывал мне не по порядку. Теперь же, когда его нет среди нас, я разложил его воспоминания в хронологическом порядке. И мне открылись некоторые любопытные закономерности.

1917 год Иван Иванович встретил гимназистом последнего класса. Он был хорошим учеником, но не блестящим, и потому его любили учителя. В классе он ни с кем не дружил, потому что друзей ему подбирала мама, а ему хотелось дружить с другими. Самое яркое воспоминание того года - получение премии за перевод Овидия.

На демонстрации Иван не ходил, потому что мама велела ему получить достойный аттестат зрелости, полагая, что он пригодится при любой власти. К тому же Иван Иванович всегда боялся толпы. Он был невелик ростом, худ и очкаст. Таких бьют первыми при любом народном возмущении.

В 1918 году Иван Иванович поступил на службу. Аттестат не понадобился. Он был делопроизводителем в Москультпросвете, но ездить на работу было далеко. Они с мамой жили на Сретенке, а учреждение располагалось на Разгуляе. Так что когда Иван Иванович увидел объявление о том, что делопроизводители требуются в Госзерне, что помещалось напротив клиники Склифосовского, он перешел туда.

Впервые его исполнительские способности проявились именно там.

То есть способности были и ранее. Иван Иванович был аккуратен, вежлив и тих. Он никогда не выступал на собраниях и чурался общественной деятельности. У него была одна всем известная слабость. Смысл жизни для Ивана Ивановича заключался в получении премий. Обычно он работал от сих до

сих. Правда, добросовестно. Но если он узнавал, что за такое-то задание положена премия, он мгновенно перевоплощался. Он готов был просиживать на службе ночами, он мог своротить Гималайские горы, совершенно независимо от размера этой премии. Само слово "премия" вызывало в нем внутренний ажиотаж, подобно тому как словом "щука" можно свести с ума заядлого рыболова, а запахом водки - алкоголика.

В период нехватки продовольствия произошел первый случай из длинной череды подобных, который обратил на исполнителя внимание руководства.

– Если кто-нибудь из вас, архаровцы, придумает, как отыскать эшелон с пшеницей, что затерялся на пути между Белгородом и Москвой,- сказал начальник подотдела Шириков, заходя в большую гулкую комнату, где сидели тридцать сотрудников подотдела,-он получит премию.

– Я найду,- сказал тихий Иванов, приподнимая худой зад над стулом. -Только мне надо выписать мандат.

В комнате засмеялись, а начальник подотдела - товарищ Шириков, однорукий матрос с "Ретвизана", сказал:

– Зайди ко мне.

Иванов под хихиканье коллег прошел за перегородку, где проницательный Шириков сказал:

– Если не шутишь, бери мандат, и чтобы через два дня зерно было в Москве. Не доставишь, пойдешь под ревтрибунал. Охрану дать?

– Ни в коем случае,- испугался Иванов. Он не выносил вида винтовок.

Вечером второго дня осунувшийся Иванов, в пальто без правого ру-кава, с кровавой ссадиной через щеку, вошел в кабинетик товарища Ширикова, который, за неимением другого угла, там и ночевал.

– Состав на Брянском вокзале,- сказал он и упал в обморок.

Шириков отпоил Ивана Ивановича горячим чаем. Потом взял трубку и позвонил, на Брянский вокзал. Иванов не врал. Состав стоял там.

Может быть, Иванов и рассказал Ширикову, как он совершил такой революционный подвиг, но мне Иван Иванович о подробностях не рассказывал. Известно лишь, что Шириков предложил Иванову наградить его почетным оружием, но тот сказал, что хотел бы получить положенную премию. На следующее утро Иванов сложил в дерматиновую сумку два фунта воблы, фунт муки и полфунта леденцов. Остальные сотрудники подотдела готовы были растоптать его от зависти.

С тех пор так и пошло. Если надо было сделать

невыполнимую работу, Шириков приходил в комнату и говорил Ивану Ивановичу, что тот по выполнении ее получит премию. И тот выполнял любую работу.

Одна недоброжелательница прозвала его даже Василисой Премудрой. Но прозвище не привилось, потому что было длинным. Тем более, она сама его быстро забыла, потому что Иван Иванович, теперь уже замначальника подотдела, сделал ей предложение и она переехала к нему на Сретенку. Они прожили два года, но потом Соня, как звали жену Иванова, не выдержала притеснений его мамы, которые были тем более невыносимы, что приходилось жить в одной комнате в коммунальной квартире, и уехала от него, хотя развода не взяла.

В 1924 году Госзерно реорганизовали, Ширикова кинули на укрепление коммунального треста, и тот, уходя, взял с собой Ивана Ивановича.

Так прошло несколько лет. Иван Иванович ничем особенным не отличался, хотя и совершил несколько небольших подвигов, оцененных премиями. Года через два умерла мама, полагавшая, что сына недооценивают. Жена Соня вернулась к Ивану Ивановичу, и у них родилась дочь. Жизнь налаживалась.

Иван Иванович показывал мне фотографии того времени. Он, еще молодой, но строгий, стоит рядом с женой Соней, которая держит на коленях девочку, очень похожую на Ивана Ивановича в детстве.

Ивану Ивановичу запомнилась от тех лет премия в виде наручных часов в стальном корпусе и секундной стрелкой, которые он получил за то, что разработал и провел в жизнь идею товарища Ширикова о создании цепи современных бань в подотчетном районе. Задача была сложная, достойных помещений не хватало, а народу надо было мыться. Шириков обратился к Ивану Ивановичу и сказал:

– Будет премия.

Иван Иванович думал три дня. Он ходил по Москве, рассматривал дома и строения. Наконец, удовлетворенный, вернулся за свой небольшой стол и написал, а затем подал по начальству докладную записку о размещении бань в некоторых церквах. Там толстые стены и даже встречаются подвалы, где можно разместить котлы.

Шириков несколько смутился, опасаясь, не слишком ли радикально решение Иванова. И премию выдать воздержался, пока не провентилирует вопрос в Моссовете.

Иванов был обижен. Он привык уже, что если премию обещали, премию должны дать. Так и сказал жене. Жена Соня возразила, что лучше раз прожить без премии, чем принимать

такое решение. Иванов ничего не ответил жене, но той же ночью написал письмо в ОГПУ, где разъяснил свои разногласия и честно поведал об обещанной премии. Шириков больше на работу не пришел, но Иванову его место не отдали, как беспартийному. Впрочем, Иванов на место и не претендовал, так как был идеальным исполнителем, а не организатором.

Новый начальник подтвердил, что премия Иванову положена, однако после того, как тот лично проведет операцию по передаче церквей под бани. Иванов честно провел эту операцию и был премирован часами с секундной стрелкой, которые носил до старости.

Умение с выдумкой исполнять принесло Ивану Ивановичу еще одну премию в размере месячного оклада в середине тридцатых годов, когда в коммунальном тресте был обнаружен правотроцкистский заговор на немецкие деньги. Сверху спустили разнарядку, в которой было сказано, что в тресте есть восемнадцать участников заговора, во главе которых стоит Семенов. Но более ничего не уточнили.

Начальник был растерян и призвал Иванова.

Иванов прочел письмо из ОГПУ и спросил: а может ли он рассчитывать на премию, если удачно выполнит поручение? Получив соответствующее обещание, он взял список сотрудников, в котором было семнадцать Семеновых и двадцать одна Семенова. Из них он и составил список участников правотроцкистского заговора на немецкие деньги. Начальник колебался, потому что от него требовалось лишь восемнадцать заговорщиков, а если отыскать тридцать восемь, то не останется кандидатов для следующих заговоров.

Тогда Иванов, почувствовав, что рискует остаться без премии, переслал второй экземпляр списка в ОГПУ. На следующий день начальник не пришел на работу, а Иванов получил премию в размере месячного оклада.

Его жена Соня выразила сомнение, правильно ли Иванов ведет себя. Тот даже не рассердился.

– Я же получил премию, - сказал он.- Зря премии не дают. Мама была бы рада.

На этот раз жена Соня навсегда уехала от мужа, взяв с собой дочку. Она поселилась у родственников под Запорожьем.

Иванов посылал алименты на воспитание дочери, а когда получал премию, - присылал больше. Когда Соня получала денег больше, чем рассчитывала, она долго плакала.

Последний раз Иван Иванович прислал дополнительные тридцать рублей в 1947 году, в день восемнадцатилетия дочери.

В то время он уже работал в Академии наук, но не ученым, а

исполнителем в Президиуме. Тогда случился казус: к нам в страну приехала высокопоставленная делегация из недружественной страны, чтобы ознакомиться со Сталинским планом преобразования природы. Для делегации был выделен специальный участок, где должны были колоситься поля, огражденные буйными лесными посадками. Однако за день до отъезда делегации стало известно, что посадки, созданные на принципах внутривидового сотрудничества и взаимопомощи, завяли, а поля, засеянные ржаной пшеницей, перерожденной из яровой, - пусты. Ни остановить делегацию на правительственном уровне, ни пустить ее в сторону, не удалось. Тогда тот академик, который придумал дружбу между деревьями, отыскал Ивана Ивановича и обещал ему премию.

Иван Иванович, как он мне признался, взял географическую карту того района и выяснил, что выше его находится большая плотина. По согласованию с академиком и другими лицами он предложил выход. Он сам отправился на ту плотину и в нужный момент открыл все ее створы. Река, разлившаяся по полям и лесным полосам, нечаянно утопила иностранную делегацию, а также несколько деревень. Были принесены соответствующие извинения за стихийное бедствие.

Больше подобные делегации не ездили. Иван Иванович получил свою премию, но был строго наказан за самоуправство и три года провел в лагерях строгого режима. Денег оттуда он семье не посылал, потому что дочь уже достигла совершеннолетия, и никто не ждал от отца вестей.

В то же время он четырежды получал в лагере премии. В первый раз за то, что исполнил поручение начальника лагеря экономить ватники заключенных, которые за пятилетку изнашивали ценную одежду до дыр. Он предложил совместить борьбу за экономию ватников с экономией питания. Двойная экономия привела вскоре к тому, что ватники стали освобождаться от содержимого вдвое быстрей, а из сэкономленных продуктов удалось выделить премию Иванову в виде пирожка с повидлом.

Иванов был освобожден досрочно. Он не изменился, лишь облысел. Обиды ни на кого не таил, так как все премии, которые ему были обещаны, как до ареста, так и во время пребывания в лагере, он получил.

Я пропускаю здесь несколько лет плодотворной работы Ивана Ивановича. Но надо сказать, что за эти годы он получил более двадцати премий и репутация его настолько укрепилась, что его стали использовать в самых различных областях хозяйства.

Однажды судьба свела его с бывшей женой Соней.

Проблема, стоявшая перед проектировщиками большого комбината в Запорожской области, заключалась в том, что комбинату требовалось много воды, а воды было мало. Пригласили Иванова. Обещали премию.

Иван Иванович решил, что посетит во время этой командировки свою семью. Семья встретила его прохладно. Дочь была замужем и отца не узнала. А Соня узнала, но не обрадовалась.

Чтобы не тратиться на гостиницу, в которой были номера лишь по три рубля, тогда как командировочные Ивана Ивановича предусматривали оплату в размере полутора рублей, Иванов решил переночевать в домике у Сони. Ему постелили у окна на диване.

Утром Иван Иванович проснулся от звона цепи. Его жена набирала воду из колодца. Он встал, подошел к колодцу и увидел, что до воды метров десять.

Попрощавшись с Соней, Иван Иванович отправился в Запорожье и узнал у специалистов, что в том районе есть большая подводная линза, из которой и черпают воду местные жители. Иван Иванович обрадовался, вернулся в Москву и там сообщил, что воду для комбината можно найти, если выкопать возле него колодцы глубиной в пятьдесят метров и качать воду прямо из линзы.

Некоторые специалисты подняли шум, уверяя, что этим будет ликвидировано местное сельское хозяйство. Однако они не знали, как суров становится Иван Иванович, когда дело идет о заслуженной премии. Он смог пробиться к министру, и комбинат получил воду, а Иванов премию. Четыре близлежащих района области были выселены, так как невозможно возить воду в цистернах для ста пятидесяти тысяч семей:

Когда в другом министерстве, которое прознало о способностях Ивана Ивановича, решено было повернуть на юг северные реки и таким образом насытить влагой поля юга, исполнителем пригласили Иванова.

Иванов уже стал пожилым человеком. Он получил отдельную однокомнатную квартиру, где повесил фотографию мамы и почетные грамоты, но жениться снова не стал.

Ученые и любители старины сильно возражали и рвались в кабинет к министру, чтобы объяснить, почему нельзя губить север ради спасения юга. Иван Иванович добился в министерстве, чтобы другим ученым, которые будут доказывать обратное, тоже дали премии. Другие ученые, узнав о премиях, стали доказывать общественности, что опасения первых ученых напрасны. Тем временем, пока никто не мог разобраться в споре, Иванов дал

сигнал бульдозерам и экскаваторам двинуться на север, где они срочно прокопали каналы.

Эта борьба, закончившаяся победой Ивана Ивановича, заняла три года. Но для Иванова не прошла бесследно. Он получил премию в размере ста двадцати рублей. И смог купить красивый импортный торшер.

Еще пятьдесят рублей премии он получил за то, что ему удалось уничтожить озеро Байкал. А потом шестьдесят пять - за ликвидацию Аральского моря.

Газеты и журналы метали громы и молнии в министров и академиков, полагая, что это они уничтожают природу и культурные ценности. Что из-за их легкомысленных, корыстных и даже преступных действий нашим детям нечего будет есть и нечем дышать. Но никто не метал молний в Ивана Ивановича, потому что он был совершенно незаметен. И никто так и не догадался, что именно его страсть к получению небольших, честно заработанных премий, и есть главная причина упадка нашей цивилизации.

На рубеже девяностых годов Иван Иванович, согбенный возрастом, собрался уйти на пенсию. Но тут его вызвал к себе сам Петрищев.

– Иван Иванович,- сказал Петрищев.- Как ты знаешь, народ у нас за последние годы очень разболтался. Все труднее строить новые заводы, так нужные нашему министерству для выполнения плана. Мы, конечно, не возражаем с тобой против охраны окружающей среды.

– Нет, не возражаем,-сказал Иванов.

Петрищев налил в стакан воды из графина, подошел к подоконнику и лично полил стоявшие в горшках цветы.

– Боюсь, что златогорский комбинат нам не дадут пустить. И тогда мы не реализуем ассигнования.

– Плохо,- сказал Иванов.

– Мне хотелось бы дать тебе премию, Иванов,- сказал Петрищев.- И немалую. Рублей в сто. Как ты на это смотришь?

– А чем они мотивируют?

– Ах, не говори. Типичные демагоги. Говорят, что дым этого комбината уничтожит воздух над европейской частью территории нашей страны. А это -преувеличение.

– А премия когда будет? - спросил Иванов.

– Сразу, как только задымят трубы комбината.

Удивительная сила духа и упорство крылись в этом немощном на вид старичке. Не прошло и шести месяцев, как, несмотря на протесты общественности, на три специальных постановления правительства и даже резолюцию ООН,

златогорский комбинат дал первый дым.

Вскоре половина человечества была вынуждена перейти в газоубежища.

Премию Иван Иванович получил вместе с противогазом.

Он отложил ее на черный день и переселился в газоубежище.

Там мы с ним и познакомились.

Длинными вечерами Иван Иванович дребезжащим голосом рассказывал мне о своей жизни, и постепенно я стал понимать, какую громадную, неоцененную роль он сыграл в жизни нашего государства. Я сказал ему об этом, и Иван Иванович удовлетворенно кивнул. А на следующей неделе, когда из-за кислотных дождей никто не мог выйти из газоубежища, мы с ним занялись подсчетами. Оказалось, что за свою жизнь Иван Иванович получил в общей сложности сто сорок две премии общей суммой в восемь тысяч тридцать два рубля. Это помимо зарплаты. Затем мы с ним стали подсчитывать, во сколько его деятельность обошлась стране. Без ложной скромности Иванов согласился на мои неполные выводы: восемнадцать триллионов с хвостиком. И каждый новый день, сколько бы их ни осталось до конца света, стоил не меньше шестнадцати миллиардов.

– Что ж, внушительно,- сказал старенький Иванов. Впрочем, эти цифры на него не произвели большого впечатления, потому что были абстрактны. Я сужу об этом, потому что за последующие дни он ни разу не вспомнил о них, зато как-то утром растолкал меня, чуть не свалил с раскладушки.

– Послушайте,-шептал он.- Мы ошиблись. Я забыл о трех премиях. Общая сумма -восемь тысяч триста тридцать шесть рублей.

Вот так-то!

Вчера Иван Иванович покинул нас.

В полдень в газоубежище вошли три человека в галстуках и противогазах. Они долго шептались с Иваном Ивановичем. Наконец, один из них внятно произнес:

– Премию вам гарантирую.

Иван Иванович подмигнул мне и ушел вместе с ними, натягивая противогаз.

Уже третий день я жду конца све…